

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О   И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

В. А. РОМОДИН

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АФГАНЦЕВ И АФГАНИСТАНА В РОССИИ

В своей работе «История изучения Востока в Европе и в России» В. В. Бартольд дал очень невысокую оценку всему, что было сделано в России для изучения афганцев и Афганистана.

Правда, эта оценка Бартольда выражена не прямо, а в форме сравнения. Заметив, что «участие русских путешественников и исследователей в деле изучения Индии» было менее значительно, чем в изучении Средней и Восточной Азии, он переходит затем к Афганистану, утверждая, что «еще меньше сделано в России для изучения Афганистана и афганцев, несмотря на то, что в С.-Петербургском университете некоторое время (1855—1857 гг.) читались лекции по афганскому языку академиком Дорном, еще раньше (в 1847 г.) издавшим в С.-Петербурге, хотя и под английским заглавием, первую афганскую хрестоматию»¹.

Далее Бартольд приводит в хронологическом порядке названия некоторых источников, составленных русскими путешественниками, побывавшими в Афганистане. Приведенный им перечень далеко не полон, а из исследований, посвященных Афганистану и афганцам, упомянуты только работы Н. А. Аристова². Возможно, что с некоторыми русскими источниками и исследованиями по этой стране Бартольд был незнаком или имел о них неполное представление³.

---

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. СПб., 1911, стр. 243; Л., 1925, стр. 279.

² В. В. Бартольд. Ук. соч., 1911, стр. 244, см. также стр. 130.

³ Со свойственной этому большому ученому добросовестностью и скромностью, В. В. Бартольд сам оговаривает в предисловии к цитированной его работе неполноту охвата материала по тем странам, по которым он не считал себя специалистом.

Так или иначе, но В.В. Бартольд и в своей оценке, и в изложении материала невольно обеднил и преуменьшил результаты работы по изучению афганцев и Афганистана в России. В частности, это, несомненно, произошло и потому, что он (по краткости изложения) ограничился перечнем некоторых источников, без какой бы то ни было конкретной характеристики их.

В действительности же в дореволюционной России были ученые, которые серьезно занимались изучением Афганистана и населяющих его народов, в частности самих афганцев. Некоторые из этих ученых посвятили афганцам, их истории, языку и этнографии специальные исследования, другие (в том числе и сам В. В. Бартольд), занимаясь изучением соседних с афганцами народов, установили отдельные факты, касающиеся, однако, существенных вопросов изучения афганцев.

Правда, от отечественной науки прошлого советской афганистике досталось далеко не столь большое по объему наследство, как во многих других областях востоковедения. Но по своим результатам исследования представителей русского буржуазного востоковедения XIX в. в области изучения афганцев нередко превосходят то, что было сделано их современниками в Западной Европе. Это, конечно, не случайно и объясняется общим подъемом и расцветом русской культуры, науки и искусства в XIX в.

Востоковедение того времени, хотя и не было в целом передовой отраслью русской науки, все же также дало немало талантливых ученых: некоторые из них проявили себя и в области афганистики. Работы акад. Б. А. Дорна, труд проф. В. В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан», работы Н. В. Ханькова и книга Н. А. Аристовой «Англо-индийский Кавказ» принадлежат к числу самых ценных исследований XIX в., посвященных афганцам.

Критическое освоение наследства, оставленного нашей науке отечественным востоковедением XIX в., поможет советским исследователям создать подлинно научную историю народов, населяющих нынешний Афганистан. Советские востоковеды имеют все возможности для выполнения этой задачи, ибо они опираются на единственно правильный метод, метод марксизма-ленинизма. Вооруженные этим методом, они сумеют взять все ценное от дореволюционного русского востоковедения, выявляя и преодолевая ошибки его представителей, вызванные их ограниченностью как буржуазных ученых.

Изучая историю русского востоковедения, мы должны поэтому определить, что в нем ценно для нас, что можно и должно использовать и что нужно отбросить или пересмотреть.

Ясно, что для успеха своей дальнейшей работы советские востоковеды обязаны не только критически отнестись к объяснениям и оценкам событий и явлений, содержащихся в трудах дореволюционных русских исследователей, но также постоянно дополнять и пересматривать имеющийся в них фактический материал, привлекая вновь выявленные источники, используя все новое, накопленное наукой, прежде всего, исследования и открытия советских ученых¹.

Настоящая статья представляет собою попытку дать краткий обзор основных исследовательских работ представителей отечественного востоковедения XIX в., посвященных изучению Афганцев и Афганистана.

Ограничивая этим свою задачу и отказываясь от попытки сколько-нибудь подробного рассмотрения русских источников по Афганистану и афганцам, автор настоящей статьи должен хотя бы упомянуть основные из них, должен подчеркнуть их ценность. Это необходимо как для того, чтобы дополнить сильно урезанный Бартольдом перечень, так и для того, чтобы у читателя не вышло ошибочного представления, будто вклад русских ученых и путешественников в изучение Афганистана ограничивается исследованиями XIX в., обзор которых дан в настоящей статье.

Прежде чем перейти к источникам XIX в., следует заметить, что серьезный интерес к афганцам проявлялся в России еще в XVIII в. Уже тогда был начат систематический обзор сведений об этом народе, а упоминания и некоторые данные о них можно найти и в более ранних русских источниках, в архивных документах допетровского времени. Для примера можно сослаться на упоминание об афганцах, содержащееся в делах

¹ Большое значение для дальнейшего развития советского востоковедения имеют критические переиздания трудов крупнейших представителей отечественной науки прошлого с дополнениями и комментариями советских ученых. Это полезное и нужное дело начато переизданием работы Иакинфа Бичурина (И. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950). Думается, что наступило время и для нового издания капитального труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», с дополнениями, внесенными автором в английский перевод этой книги (Turkestan down to the mongol invasion. Second edition translated from the original Russian and revised by the author with the assistance of N. A. R. G i b b. 1928. «Gibb Memorial Series»). Достоинно сожаления, что второе (дополненное) издание работы, которой может по праву гордиться русская наука, вышло только за рубежом и в иностранном переводе. Для третьего издания у нас в СССР должны быть использованы неопубликованные материалы из архива Бартольда, а также дан комментарий с учетом достижений советского востоковедения за 20 с лишним лет, прошедших после смерти автора.

о посольстве князя Козловского, выехавшего в Персию в 1646 г. С этим послом царь Алексей Михайлович отправил гонцов: казанского купца Никиту Сыроежина и астраханского жителя Василия Тушканова. Сыроежин и Тушканов должны были проехать дальше в Индию и доставить великому моголу Шах-Джехану грамоту от Московского царя. Однако персидский шах отказался дать провожатых русским гонцам, что было равносильно отказу пропустить их через свои владения в Индию.

Несмотря на настойчивые просьбы князя Козловского, он все же получил от шахских властей официальный отказ. «... И шахово величество царского величества гонца в Индию пропустить не велел, для того, что меж Индейскими и Туркустанскими государями учинилась драка и ссоры в Индейских крайних местах: адганские люди торговым людям учинили шкоды и иных людей побивают; и для того шах Абассово величество гонца отпустить на посольскую волю положил, а провожатых людей дать с теми гонцами не позволил, для того, что в индейских и украинских местах ссора учинилась...»¹

Систематический сбор сведений об афганцах был начат по инициативе Петра I. В архиве его личной канцелярии хранятся материалы о них, собранные в 1720-х годах, когда обстановка на Среднем Востоке и политические интересы России вызвали внимание Петра к афганцам. Это было время гильзайского завоевания в Персии и турецкой агрессии на Среднем Востоке, время борьбы афганских феодалов и турецких феодалов, соперничавших друг с другом в грабежах и захватах².

В делах канцелярии Петра I содержатся не только донесения русских дипломатов того времени, но и сведения, доставленные путешественниками — армянскими купцами, переведенные для него на русский язык. На некоторых документах об афганцах сохранились личные пометки Петра. После смерти Петра интерес русских политических деятелей к афганцам не прекратился. В русских архивах имеются, в частности, данные об Афганистане времени правления Ахмед-шаха (1747—1773). Материалы личной канцелярии Петра I и последующие данные об афганцах и Афганистане, хранящиеся в русских архивах XVIII в., еще ждут своего исследователя.

¹ А. М а л и н о в с к и й. Известие об отправлении в Индию Российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год. «Труды и летописи Общества истории и древностей Российских», ч. VII, М., 1837, стр. 139.

² Гильзай — одно из крупнейших афганских племен. Гильзайские феодалы захватили Исфаган, столицу Персии, в 1722 г. Династия афганских (гильзайских) шахов находилась у власти в Персии до 1729 г.

В начале 1790-х годов в Афганистане и в Средней Азии побывал Хрисанф, митрополит Новопатрасский. Он оставил любопытные записки, в которых отражены впечатления очевидца и краткие, но весьма интересные сведения о «Кабуле, владении афганского государя», о «Коестане» (Кохистане) — горной области, находящейся между Гератом и Кабулом, о «Бухарии» (в том числе о Балхе в Южном Туркестане) и т. д. Сведения эти содержатся в «Записке», поданной митрополитом Хрисанфом князю Зубову в 1795 г. «Записка» опубликована В. В. Григорьевым, составившим примечания и написавшим введение к изданию этого памятника¹.

Важнейшим источником для истории осады Герата в 1837 г. являются соответствующие главы воспоминаний И. Ф. Бларамберга, офицера русской службы, находившегося с персидскими войсками под стенами Герата².

Для изучения Гератской провинции много было сделано русской экспедицией в Хорасан (1858—1859 гг.), во главе которой стоял талантливый востоковед Н. В. Ханыков. Он впервые дал научное описание архитектурных и исторических памятников Герата, исследовал их и составил «археологическую карту» этого города, а также провел большую работу по собиранию этнографических и антропологических материалов о населении Гератской провинции. При этом больше всего внимания русский исследователь уделил изучению таджиков, исконных и древних насельников долины Герируда³.

В планы Хорасанской экспедиции входили также дальнейшие исследовательские работы в южной части Афганистана, в собственно афганских областях, издавна населенных этим

¹ Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. Издал с введением и примечаниями В. В. Григорьев. М., 1861 (из «Чтений Общества истории и древностей Российских при Московском университете», 1861 г.).

² И. Ф. Бларамберг. *Erinnerungen aus dem Leben des kai serlich russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg, nach des sen Tagebüchern von 1841—1871 hrsg. von Emil von Sydow.* Berlin, 1872—1875, т. I—III.

³ Результаты Хорасанской экспедиции отражены в двух работах Н. В. Ханыкова: «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale», 1861 г.; «Mémoire sur l'ethnographie de la Perse», 1866, опубликованных в «Mémoires de la Société de Géographie de Paris». См. также дополнения Н. В. Ханыкова к его же переводу книги К. Ритера. Землеведение Азии. Иран. СПб., 1874. Немалый интерес представляют корреспонденции Н. В. Ханыкова из Хорасана во время проведения экспедиции, печатавшиеся в различных периодических изданиях того времени. О памятниках старины Герата см. письмо Н. В. Ханыкова к французскому ориенталисту Рейно, опубликованное в «Journal Asiatique», 1860, т. XV, стр. 537—543.

народом. Но, по настоянию англичан, афганский эмир запретил экспедиции Н. В. Ханыкова проезд в Кандагар. Англичане крайне ревниво относились к посещению русскими исследователями пограничных с Индией районов и делали все, чтобы не допускать русских ученых к изучению центральных и южных областей Афганистана. Это надо всегда иметь в виду, рассматривая и характеризуя русские источники об Афганистане. Но если русским ученым был прегражден доступ к изучению южных районов Афганистана, то в северную часть этой страны им все же удавалось попадать, вопреки противодействию англичан.

Имеющиеся русские источники XIX в. и относятся, главным образом, к левобережью Аму-Дарьи, территориям, ныне входящим в пределы северного Афганистана. Для этой части Афганистана именно русские источники XIX в. следует поставить на первое место; они превосходят английские как по доброкачественности содержащегося в них материала, так и по количеству и полноте его охвата. Материалы русских авторов, побывавших в Афганистане, выгодно отличаются от соответствующих описаний англичан своей точностью и достоверностью. Большинству русских авторов чуждо было высокомерно-презрительное отношение к восточным народам, свойственное английским историкам и этнографам. В большинстве своем русские путешественники, побывавшие в Афганистане, отзывались с искренней симпатией о местных жителях, проявляя особое внимание к жизни и быту народа.

Записки, воспоминания и отчеты русских, побывавших в Афганистане в прошлом веке, относятся преимущественно к последней четверти XIX в.¹ В них содержатся важные для историков сведения, касающиеся таджиков, узбеков и туркмен Южного Туркестана (левобережья р. Аму-Дарьи), земли которых в 50—90-х годах XIX в. были завоеваны афганскими феодалами, действовавшими под влиянием и при поддержке британских колонизаторов².

Упомянутое В. В. Бартольдом описание путешествия по Бухаре и Афганистану доктора Яворского, сопровождавшего

¹ Обзор этих источников см. в защищенной в 1951 г. в Институте востоковедения АН СССР кандидатской диссертации Н. И. Семеновой: Афганское завоевание левобережья Аму-Дарьи (из истории южных узбеков, таджиков и туркмен XIX в.).

² Британские колонизаторы стремились расширить территорию Афганистана за счет Средней Азии (Туркестана). Афганистан англичане считали своей верной добычей, а за преобладание в Средней Азии вели упорную борьбу с паризмом и строили планы захватов не только Бухары, но и Хивы и Коканда.

посольство генерала Столетова в Кабул (1877—1878 гг.), является ценным источником не только для истории русско-афганских дипломатических отношений¹. В этом описании содержатся сведения очевидца о внутренней жизни Афганистана того времени, в частности о положении в только что захваченных афганскими феодалами ханствах левобережья Аму-Дарьи, населенных узбеками и таджиками, через земли которых лежал путь русского посольства.

В 1877—1878 гг., перед началом второй англо-афганской войны, на левобережье Аму-Дарьи побывали русские офицеры Гродеков и Матвеев².

Русский офицер Г. А. Арандаренко, около 20 лет прослуживший в Средней Азии и проявивший себя серьезным ученым-исследователем, собрал подробные сведения о бедственном положении местного населения в землях левобережья Аму-Дарьи во время второй англо-афганской войны; часть его материалов опубликована³.

Арандаренко приводит содержание многочисленных петиций жителей земель левобережья Аму-Дарьи, захваченных афганцами. Во многих петициях выражается желание перейти в русское подданство; содержатся жалобы жителей левобережья русским чиновникам и офицерам на притеснения афганских властей. Сведения, собранные Арандаренко, существенным образом дополняют данные о народах северного Афганистана, имеющиеся в описаниях Гродекова и Матвеева.

Из числа неопубликованных материалов несколько более позднего времени следует указать на отчет капитана Трусова (1885 г.), также побывавшего на левобережье Аму-Дарьи⁴.

О событиях, связанных с решением судеб Памира (1880—1890 гг.), имеется также немало русских источников, освещающих положение в памирских ханствах и содержащих сведения о населении этих горных областей⁵.

¹ И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству, т. I и II, СПб., 1882—1883.

² Н. И. Гродеков. Через Афганистан. СПб., 1880; Матвеев. Поездка полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям. «Сборник материалов по Азии», вып. V.

³ Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане. СПб., 1889. Часть материалов Арандаренко не издана и хранится в архивах.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 56046, ч. II.

⁵ Г. Ш. Путята. Очерк экспедиции Г. Ш. Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. «Сборник материалов по Азии», вып. X, 1884; В. Л. Громбчевский. Современное положение памирских ханств. Новый Маргелан, 1891; Серебряников. Очерки Шугнана. «Сборник материалов по Азии», вып. 70, 1896.

Переходя к исследовательским работам представителей русского востоковедения XIX в., следует подчеркнуть, что первые печатные материалы, посвященные изучению Афганистана и населяющих его народов, в частности самих афганцев, появились впервые именно в России еще на рубеже XVIII и XIX вв.¹

Первые материалы по афганскому языку (пушту) и первые филологические работы об этом языке были изданы в Петербурге, в конце XVIII — начале XIX в., а первым ученым, поставившим исследование истории и филологии афганцев на прочную научную основу, был академик Б. А. Дорн. В XIX в. Афганистаном и афганцами в дальнейшем занимались и оставили ценные работы, касающиеся вопросов их истории и этнографии, русские востоковеды В. В. Григорьев и Н. В. Ханьков, военный писатель Л. Н. Соболев и этнограф Н. А. Аристов.

Б. А. Дорн (1805 — 1881) родился в Шейерфельде близ Кобурга, в Германии. В 1825 г. он окончил Лейпцигский университет, а с 1829 г. жил и работал в России. В России он нашел возможности для применения своих обширных познаний. В России он окончательно сложился как ученый, здесь развертывалась его научная и педагогическая деятельность.

Дорн обладал большими и глубокими познаниями в различных областях востоковедения. Его научные интересы были очень широки; он занимался языками народов Востока, историей и географией, преподавал в русских университетах арабский, персидский, турецкий, эфиопский и афганский (пушту) языки, изучал Кавказ и Иран, собирал лингвистические и исторические материалы во время поездок по областям юго-западного и южного побережий Каспийского моря и оставил большое количество научных трудов.

Используя все ценное в наследстве, оставленном нам учеными прошлого, вовсе не следует приукрашивать представителей официальной науки царской России. Находясь на службе в качестве профессора и академика, библиотекаря и директора Азиатского музея, Б. А. Дорн был представителем официальной, академической науки, и не более того. Подобно многим другим ученым своего времени, он писал и публиковал большинство своих работ на западноевропейских языках. Только в последний период жизни Дорна, в 1860-х и 1870-х

¹ Список афганских слов опубликован в книге Гюльденштедта «Reisen durch Russland», СПб., 1791; сборник статей Клапрота появился в 1810 г. См. В. Л и в ш и ц и И. О р а н с к и й. Изучение афганского языка (пушту) в Афганистане и за его пределами. «Ученые зап. ЛГУ». Сборник студенческих работ, вып. I, Л., 1949, № 117, стр. 179—180.

годах, некоторые его востоковедческие работы издавались и на русском языке (но они уже не относятся к области афганистики). В первые годы своей деятельности в России, в качестве профессора, Дорн читал лекции на латинском языке¹. Используя работы В. А. Дорна в области афганистики, в которой он был большим эрудитом, нужно помнить, что его исследования в этой области основаны только на письменных источниках, так как сам он в Афганистане не бывал.

Не ставя своей задачей дать полную и исчерпывающую характеристику В. А. Дорна, как ученого, мы остановимся лишь на оценке его исторических работ, посвященных Афганистану и афганцам. Дорн впервые привлек к изучению истории афганцев источники на их языке. Главной его заслугой в области изучения истории афганцев являются переводы источников, написанных на фарси². Переводы эти выполнены очень тщательно и с большим знанием дела, а в комментариях использованы и материалы на пушту. Вводя в науку большое количество фактов по истории народа, вызывавшего в то время большой интерес в России и в Западной Европе, Дорн преследовал в основном только одну цель — правильно описать факты и события и установить их хронологию. Он не ставил перед собой задачи объяснять историю афганцев. Поэтому его политические и философские взгляды не нашли сколько-нибудь ясного отражения в работах по истории афганцев. Чтобы судить об этих взглядах, надо брать работы Дорна на другие темы³. Критика восточных источников в работах Дорна по истории афганцев носит текстуальный, формально-сравнительный характер, направлена на выявление фактов и дат, на то, чтобы

¹ В Харьковском университете Дорн читал по-латыни эфиопскую филологию, разбирая тонкости древне-эфиопского языка. Повидимому, эти лекции были мало кому доступны. Они касались вопросов, очень далеких от того, что волновало и занимало тогда русских студентов. См. акад. И. Ю. Крачковский. «Очерки из истории русской арабистики». М.—Л., 1950, стр. 76.

² History of the Afghans translated from the Persian of Neamet Ullah by V e r n h a r d D o r n, Ph. D. For M. R. A. A. M. T. C. and professor of oriental literature in the Imperial Russian University of Kharkov. London, 1829—1836, I—II; а также Beitrag zu der Geschichte des Afganischen Stammes der Jusufzey (отд. оттиск из «Бюллетеня Акад. Наук», 1838, т. VI, № 1—2).

³ Необходимо отметить, что в некоторых своих позднейших работах, связанных с русской историей (в частности, в монографии о каспийских походах древних руссов), академик В. А. Дорн выступал сторонником норманистской «теории», причем его аргументация в защиту взглядов «норманистов» носила тенденциозный, ненаучный характер.

отделить действительное от фантастического и легендарного. Ценность исторических трудов Б. А. Дорна об афганцах заключается, прежде всего, в фактической их стороне. В тех случаях, когда Б. А. Дорн сам устанавливает факты (на основании свидетельств различных источников), он дает, как правило, доброкачественный и достоверный материал. В иных случаях, когда он критикует версии и теории других авторов путем сопоставления их с данными источников, его изыскания также нередко сохраняют свое значение до сих пор.

Исторические работы Б. А. Дорна об афганцах посвящены средневековой истории этого народа, т. е. периоду, до настоящего времени еще очень мало разработанному в науке, и потому не потеряли своей ценности и в наши дни. Основной его работой по этому вопросу являются обширные комментарии к переводу «Истории афганцев» Ни'матуллы, написанной в начале XVII в.¹

В своих комментариях Дорн критически рассмотрел ряд вопросов средневековой истории афганцев, в том числе и легенды о происхождении этого народа. Его вывод о вероятной автохтонности афганцев в районе Сулеймановых гор был принят большинством русских ученых XIX—XX вв.

Рассматривая вопросы афганской истории, Дорн основывается на многочисленных и ценных первоисточниках.

Для обоснования выдвигаемых им положений Б. А. Дорн в комментариях к «Истории афганцев» Ни'матуллы приводит обширные выдержки из восточных источников (в переводе и на языках подлинников). При этом, наряду со свидетельствами историков, подтверждающими его положения, Дорн часто с большой научной добросовестностью приводит и противоречащие его взглядам данные. Так, например, Дорн считал, что под афганцами, о которых упоминается в средневековых источниках «Матла'а-ас-саадайн» и «Джами-ат-Таварих», следует понимать другие, соседние с ними племена, а именно хазарейцев². Однако, наряду с подтверждающими его мнение по этому вопросу отрывками из источников, Дорн приводит и такие, которые можно истолковать в противоположном смысле³.

¹ См. History of the Afghans translated from the Persian of Neamet Ullah by Bernhard Dorn.

² Джамии-ат-Таварих (?)— рукопись историко-географического сочинения, хранящаяся в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Д. 290). Сочинение это Дорн считал отличным от одноименного свода хроник Рашид-ад-дина, хорошо известного востоковедам. В «Материалах по истории туркмен и Туркмении» (т. I, Л. 1939) рукопись Д. 290 определена как «Хафизии-Абру».

³ Б. А. Дорн. Комментарии к цит. соч. Ни'матуллы, стр. 70.

В «комментариях» Б. А. Дорн приводит сведения о первых упоминаниях этнического имени «афганцы» и термина «Афганистан» в источниках (стр. 62), подвергает научной критике легенды о древне-израильском происхождении афганцев (стр. 65), отмечает наличие тюркских элементов среди афганских племен XIII—XIV вв. (стр. 66—67) и уточняет, путем сопоставлений источников, много темных и спорных мест, касающихся событий и хронологических дат. По некоторым вопросам взгляды Дорна были опровергнуты данными обнаруженных впоследствии источников. Так, он считал население средневекового Гура афганским. Рассмотрение таких источников как «Табакат-и-Насири» и гератской летописи «Тарих-нама-йе-Харат» показало, что основное население средневекового Гура в X—XIV вв. не было афганским, а судьбы Гура, ядра державы Гуридов XII в.— и Гератско-гурьского государства Куртов XIII—XIV вв.— теснее всего связаны с историей таджикского народа.

«Доклад по истории афганского племени юсуфзаев», прочитанный Б. А. Дорном в Петербурге в 1838 г., является переводом (возможно, частично, изложением) ценного источника по истории этой крупной группы афганских племен «Тарих и-Хафиз-Рахматхани», изученного им по лондонской рукописи.

В области изучения языка пушту роль Дорна признана всеми филологами. В сентябре 1839 г. Дорн прочел на заседании Российской Академии Наук доклад о грамматическом строе языка пушту; в 1841 г. опубликовал «Добавление к грамматике афганского языка»; в 1845 г. — «Дополнения к грамматическим заметкам об афганском языке», в 1847 г. издал первую хрестоматию на языке пушту, содержащую исторические тексты афганских авторов и поэтические произведения с историко-лингвистическими комментариями и с пушту-английским словарем, им составленными¹. Дорн убедительно опроверг мнение, которого придерживались многие европейские ученые XIX в., о мнимой принадлежности языка пушту к семитическим.

Отмечая заслуги Дорна в изучении языка пушту, следует иметь в виду, что филологические работы Дорна в наше время значительно устарели.

¹ Б. А. Дорн. Grammatische Bemerkungen über das Puschtu oder die Sprache der Afghanen («Мемуары Академии Наук», т. V, СПб., 1840); E го же. Nachträge zur Grammatik der afghanischen Sprache («Бюллетень Академии Наук», т. X, СПб., 1842); E го же. Zusätze zu den grammatischen Bemerkungen über das Puschtu («Мемуары Академии Наук», т. V, СПб., 1845); E го же. A Chrestomathy of the Pushtu or Afghan Language. СПб., 1847.

Выдающиеся русские востоковеды XIX в.—В. В. Григорьев и Н. В. Ханыков, занимавшиеся после Дорна изучением Афганистана и населяющих его народов, не продолжили его филологических исследований в области афганского языка и литературы. Григорьева и Ханыкова привлекали вопросы географии, истории и этнографии Афганистана. Дальнейшее, после Дорна, исследование Афганистана в России в XIX в. велось именно по линии этих наук.

Автором самой серьезной исследовательской работы, посвященной Афганистану первой половины XIX в., был В. В. Григорьев (1816—1881). Сколько-нибудь полная характеристика В. В. Григорьева как ученого далеко выходит за рамки настоящей статьи и может послужить темой отдельной работы, нужной для создания истории русского востоковедения. Однако следует хотя бы в самых общих чертах остановиться на многообразном и оригинальном научном творчестве В. В. Григорьева, упомянуть основные его работы и указать некоторые характеризующие его как исследователя моменты.

В. В. Григорьев родился в 1816 г. в Петербурге. Окончил филологический факультет Петербургского университета по отделению восточных языков, где учился у О. И. Сенковского.

Разлад с Сенковским помешал Григорьеву получить кафедру в Петербургском университете и с 1838 по 1844 г. он работал в качестве профессора восточных языков в Ришельевском лицее, в Одессе. В 1844 г. переехал в Петербург, служил в департаменте духовных дел, занимаясь одновременно научной и журналистско-публицистической деятельностью. В 1851 г. перешел на службу в Оренбургский край, где вскоре получил должность начальника Пограничной комиссии, в которой сосредоточивались «дела по сношению с ханствами и по управлению «киргизами» (т. е. казахами).

С 1863 г. В. В. Григорьев—профессор Петербургского университета по кафедре истории Востока. Основное внимание в своем курсе В. В. Григорьев уделял истории Средней Азии, которой он с увлечением занимался всю свою жизнь. В. В. Григорьев был весьма основательно знаком с жизнью и с бытом народов Средней Азии по своей службе в Оренбургском крае, связанной и с поездками вглубь казахских степей, и с многолетним личным контактом с приезжавшими в Оренбург из Бухары, Хивы и Коканда таджиками, узбеками и представителями других народов и племен Средней Азии.

Научное наследство, оставленное В. В. Григорьевым, очень велико. Он занимался историей, этнографией, географией, восточными языками (персидским и таджикским, арабским,

турецким, казахским и другими), археологией, нумизматикой. Обладая прекрасным знанием восточных языков, быта и особенностей жизни народов Востока, этот русский исследователь, кроме нескольких больших научных трудов, написал свыше 250 статей (научных — оригинальных и переводных, — а также публицистических, и более 50 рецензий¹.

Интересы Григорьева как историка-востоковеда были направлены прежде всего в сторону исследования вопросов, так или иначе связанных с прошлым русского народа, с историей России. Он оставил исследования о походах древних руссов на Восток, о хазарах и волжских булгарах, его внимание привлекала история монголов, татар, Золотой Орды.

Результатом занятий В. В. Григорьева историей Средней Азии явилась одна из его основных исследовательских монографий — «О скифском народе саках» (СПб., 1871 г.)².

Заслуги В. В. Григорьева перед наукой в обогащении ее новыми и свежими материалами очень велики. Следует подчеркнуть, что именно ему принадлежит честь опубликования первого источника XIX в. на таджикском языке, содержащего достаточный материал для характеристики основных отличий этого языка от персидского³. В. В. Григорьев перевел на русский язык и издал ряд ценных источников. Он показал себя достойным продолжателем Фрэна, плодотворно и творчески занимаясь нумизматикой, и умело использовал данные этой

¹ Подробный хронологический список научных и публицистических работ В. В. Григорьева помещен в книге Н. И. Веселовского «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам». СПб., 1887, стр. 085—0105. Этот список, однако, все же не полон, хотя и занимает целых 20 страниц.

² По древней истории Средней Азии В. В. Григорьев опубликовал также статью «Грекобактрийское царство» (ЖМНП, 1867, ч. 136). К сожалению, большой труд о Караханидах, над которым ученый работал длительное время, не был доведен до конца и остался неопубликованным. Эта работа должна привлечь внимание советских историков Средней Азии. Есть сведения, что Григорьев успел все же выполнить, примерно, половину намеченного им замысла исследования, посвященного одному из самых малоизученных периодов средневековой истории Средней Азии. В печати работа В. В. Григорьева над историей Караханидов отражена изданием выполненного им перевода турецкого текста (с комментариями), опубликованного под названием: «Караханиды в Мавераннагге по тарихи Мунеджим-баши» — Труды Восточного Отд. археологического общества, 1874, т. XVII (имеется и отдельный оттиск). См. также дополнения В. В. Григорьева к книге К. Р и т т е р а. Землеведение стран Азии, сопредельных с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1869.

³ Памятник напечатан в трудах Казанского университета в 1861 г. (есть отдельный оттиск) под заглавием: «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, издаанные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева».

вспомогательной дисциплины в своих исторических исследованиях. Он проявил свои силы и в области географии, внимательно следя за современными ему путешествиями, посвящая наиболее интересным из них свои статьи, а также написал несколько самостоятельных работ по географии Средней Азии.

Экономические и этнографические статьи В. В. Григорьева, касающиеся различных вопросов, связанных с изучением жизни и быта народа, показывают, что их автор проявлял интерес и к изучению социально-экономических проблем, в частности общины, помещичьего хозяйства в России, исполщины и т. п.

По своим общественно-политическим взглядам В. В. Григорьев был близок к правым славянофилам; выступления Григорьева в качестве публициста и деятельность его на государственной службе не дают нам оснований относить его к прогрессивному, демократическому крылу русских ученых прошлого века¹. Однако, рассматривая научное творчество Григорьева, нельзя не видеть довольно существенной разницы между его подходом к материалу и подходом таких ученых, как например Дорн.

В. В. Григорьев не замыкался в рамках одного только описания исторических явлений, но анализировал и сравнивал, пытался понять и объяснить причины их, выражал свое отношение к ним. Он выступал в своих ученых трудах не только как эрудит и знаток, но и как живой, чувствующий и мыслящий человек, который не может быть только лишь регистратором событий, их бесстрастным летописцем.

Глубокая оценка некоторых, но весьма характерных сторон научного творчества В. В. Григорьева была дана В. Г. Белинским. Правда, великий критик рассматривает только лишь одну работу В. В. Григорьева — «Еврейские секты в России» (СПб., 1847). Об этой работе В. Г. Белинский писал:

«Вообще, сочинение г. Григорьева, несмотря на компилятивный характер и недостаток широкого, ясного взгляда на предмет во всей его обширности, в высшей степени занимательно. Некоторые сметки, в отдельности, изложены чрезвычайно полно, отчетливо. Все вообще сочинение написано живым, истинным языком и включает в себе много светлых мыслей, в свою очередь, вызывающих читателя на размышление»². Основанная на анализе этой работы, оценка Белинского может

¹ См. статью А. Ю. Якубовского. Из истории изучения монголов периода XI—XIV вв., в этом же сборнике, стр. 48.

² В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. ОГИЗ, 1948, т. II, стр. 352. Рецензия на книгу В. В. Григорьева «Еврейские секты в России» была напечатана впервые в «Современнике», 1847 (т. II, № 4, отд. III, стр. 123—125) и появилась без подписи.

быть в значительной своей части распространена и на остальные труды В. В. Григорьева. Конечно, указание на компилятивный характер может быть отнесено далеко не ко всем из них, а только к некоторым.

Суровый упрек Белинского в недостатке у Григорьева «широкого, ясного взгляда на предмет во всей его обширности» можно отнести и к некоторым другим произведениям этого русского востоковеда.

Надо только иметь в виду, что этот упрек в данном конкретном случае относится к отсутствию у Григорьева глубокого и полного философского понимания сущности таких явлений, как история религии в связи с историей общественного развития, о чем ведет речь в своей рецензии Белинский¹. Григорьев не поднимался, конечно, до уровня великих русских революционных демократов в своих историко-философских взглядах, но в отдельных, частных вопросах он проявлял оригинальность и силу мысли, что и отметил Белинский в своей рецензии.

Не ставя задачи дать сколько-нибудь подробный анализ политических взглядов В. В. Григорьева в настоящей статье, следует отметить, что они отнюдь не оставались неизменными в течение всей жизни ученого. Есть основания полагать, что в молодости, в студенческие годы, В. В. Григорьев придерживался более левых, более прогрессивных взглядов, а с течением времени значительно поправел, подобно некоторым другим ученым дореволюционного прошлого, занимавшим профессорские кафедры и посты в царской России и порой с либеральных и даже демократических позиций переходивших на реакционные. В связи с этим изменялось и отношение В. В. Григорьева к людям, представителям передовых взглядов².

В качестве примера можно сослаться на два различных упоминания о Белинском в письмах Григорьева. В 1837 г. Григорьев впервые побывал в Москве. В одном из писем из Москвы к своему другу Я. М. Неверову (от 23 июля 1837 г.) Григорьев

¹ Ко времени написания рецензии на работу В. В. Григорьева «Еврейские секты в России» Белинский был, повидимому, знаком и с работой К. Маркса «Критика гегелевской философии права». См. примечания к этой рецензии в т. II Избранных философских сочинений В. Г. Белинского, ОГИЗ, 1948.

² В качестве союзника славянофилов Григорьев выступил в печати против Грановского, после смерти этого выдающегося ученого. Статья Григорьева рассматривалась многими передовыми людьми того времени как оскорбление памяти покойного и была ими сурово осуждена. Решительно осудил ее и Н. Г. Чернышевский. Однако Чернышевский, резко выступая против Григорьева по данному вопросу, не смешивал с ним вопрос об оценке научных заслуг Григорьева.

говорит о горячем желании встретиться с Белинским: «Очень хотелось бы мне увидаться с Белинским, но не знаю, где его найти. Думаю, что общество его облегчило бы хотя несколько тяжесть, которая свинцом лежит у меня на душе. Когда уехал Бутовский, уехал Грановский, уехал Ершов, уезжал ты, для меня все еще оставалось в Петербурге много родного, много людей, с которыми я мог поделиться всеми мыслями, чувствами и желаниями... теперь я в первый раз в жизни отделился от всего близкого ко мне по душе. Впечатления, которыми обогатит меня Москва, я думал передать в Москве же людям, которым понятна всякая мысль человеческая, которых сердце отзовется на каждое чувство, какое только может запасть в грудь разумного создания; я не нашел этих людей, а то, что я видел, что я слышал, давит меня, гнетет. Не в то общество попал я в Москве, которого искал»¹.

Через двадцать лет, в письме к Савельеву, от 24 января 1857 г., Григорьев уже совсем в другом духе, явно враждебно отзывается о Белинском и о журнале «Современник»².

При всех изменениях во взглядах В. В. Григорьева (и их противоречивости) в лучших его научных работах, в его научном творчестве отразились идейные искания русской общественной мысли. Они отразились уже в самом подходе В. В. Григорьева к материалу, в его живом интересе к социальным проблемам, в стремлении понять, осмыслить и истолковать экономические явления, исторические и этнографические факты.

Следует особо отметить одну черту, характеризующую В. В. Григорьева как человека и как ученого, сохраненную им в течение всей жизни и проявившуюся в его научном творчестве. В. В. Григорьев любил русскую востоковедную науку и гордился ею. Он любил и умел выявлять и пропагандировать заслуги русских ученых, путешественников, мореплавателей, дипломатов, коллекционеров, всех соотечественников, которые внесли свой вклад, большой или малый, в изучение Востока, древнего или нового. В. В. Григорьев высоко ценил русский язык, хорошо писал на нем, выражая мысли ясным и простым слогом, чуждым витиеватости, смело вводя в исследовательский текст живые народные, разговорные слова и обороты.

По рассказам Григорьева, он приобрел любовь к языку народа еще в детстве. Первым его чтением были лубочные издания русских сказок, а наибольшее воспитательное

¹ См. Н. И. Веселовский. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, стр. 25.

² Там же, стр. 153.

влияние оказали рассказы слепой старухи, которую приютили из милости в доме отца Григорьева (отец его был дворянином, петербургским чиновником)¹.

В. В. Григорьев не только сам писал свои научные работы на русском языке, но и делал все, что от него зависело, чтобы побудить к тому же других ученых, своих современников. В конце 1846 г., когда в Географическом обществе происходил пересмотр временного устава, был представлен проект новой редакции его, направленный в сторону увеличения исследований общего характера, в ущерб изучению России. В. В. Григорьев обратился в Совет общества с особым мнением как против сущности, так и против редакции нового устава. О параграфе 11 проекта нового устава В. В. Григорьев писал: «Затем, в таком же духе излишнего благоговения перед Западною Европою и уничижения себя перед нею, нахожу я изложенным и § 11 нового устава. По смыслу этого параграфа «Русское Г. О. (Географическое общество.— В. Р.) сколько бы ни издало на русском языке книг, расширяющих область науки, все это пропащий труд: оно не будет участвовать «в умственном движении ученой Европы». Для того, чтобы оно могло принимать участие в этом движении, надо ему, говорит параграф, издавать эти книги и на иностранных языках: мысль несправедливая. Не тем будет участвовать общество в общем движении науки, что станет заказывать французские, немецкие или английские переводы изданных им на русском языке сочинений, а тем, когда эти сочинения написаны будут в современных понятиях о науке, когда они прибавят что-нибудь к умственному запасу человечества. Кто написал превосходное сочинение на русском языке, тот двинул и европейскую науку: разве Россия не часть Европы?»².

¹ Эта старуха, родом москвичка, «...помнила коронацию императрицы Екатерины II, чуму московскую, казнь Пугачева, ходила не раз на поклонение святым местам в Киев, в Соловки, и, вообще, по-своему, побабьи, много видела и наслушалась на своем веку...» В возрасте от 6 до 9 лет Григорьев проводил, несмотря на запрещение матери, много времени в людской, где он слушал также описания поездки в Сибирь камердинера своего отца и всевозможные рассказы кучеров. По словам самого Григорьева, «публика эта» научила его «множеству поверьев» и близко познакомила «со взглядами народа на все его окружающее. Как ребенок, весь этот материал принял я в себя без всякой критики и вполне им пропитался. Короче, развитием своим в народном духе и живым сочувствием к русскому человеку обязан я людской» (Н. И. Веселовский, Ук. соч., стр. 9—10).

² Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 97. Возражения Григорьева были полностью приняты Советом Географического общества и отражены в новом уставе.

Выступая за написание научных трудов на русском языке, В. В. Григорьев постоянно энергично боролся против рабского низкопоклонства перед Западом.

Из приведенных кратких сведений о научном творчестве В. В. Григорьева видно, каким большим запасом знаний и исследовательских навыков он обладал, насколько хорошо он был подготовлен, принимаясь в начале 1850-х годов за написание обширного труда «Кабулистан и Кафиристан», принятого им в связи с переводом соответствующего тома «Землеведения Азии» К. Риттера на русский язык¹. В. В. Григорьеву не пришлось самому побывать в Афганистане, и его работа, посвященная Кабулистану и Кафиристану, составлялась только на основании критического изучения письменных источников.

Книга эта вышла под чужим именем: на титульном листе ее автором значится Карл Риттер, а имя Григорьева упомянуто только в качестве переводчика-комментатора и составителя дополнений². Однако дополнения Григорьева к «Кабулистану и Кафиристану» являются первоклассным и совершенно самостоятельным научным трудом, далеко превосходящим по своей ценности работу самого Риттера, полную ошибок и безнадежно устарелую уже в 1850—1860-х годах, когда она переводилась на русский язык и издавалась.

В этой книге работа самого К. Риттера даже по объему занимает едва ли одну пятую часть³.

В критических примечаниях, которыми дополнил книгу Григорьев, он убедительно показал несостоятельность многих утверждений Риттера, поверхностность его исторических аналогий и выявил большое количество фактических ошибок.

---

¹ В 1850 г. Российское географическое общество получило большую сумму от издателя Голубкова, интересовавшегося Востоком, для организации перевода и издания на русском языке частей «Землеведения Азии» (Erdkunde) немецкого ученого К. Риттера, касающихся сопредельных с Россией стран Азии. Для перевода, составления примечаний и дополнений были привлечены крупнейшие русские ученые.

² К. Р и т т е р. «Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока», СПб., 1867.

³ Книга состоит из трех основных частей: 1) перевод немецкого текста Риттера (стр. 1—172), 2) примечания к тексту Риттера (стр. 173—314) и 3) дополнения (стр. 315—1010).

Для того чтобы выполнить критический перевод текста Риттера и составить к нему примечания, нужно было проделать очень большую и очень трудоемкую работу. Григорьеву приходилось повторить заново все, что сделал в свое время Риттер: с начала до конца проверить весь текст, строчка за строчкой, по тем же самым источникам, которыми пользовался немецкий ученый. В числе примечаний, составленных В. В. Григорьевым, а их около 300, есть мелкие и малозначительные поправки, касающиеся толкования второстепенного значения терминов и т. д., но весьма многие из примечаний представляют собою самостоятельные, небольшие исследования по отдельным, конкретным вопросам¹.

«Дополнения» В. В. Григорьева состоят из следующих разделов: Историографический; Кабулистан и Кафиристан в физико-географическом отношении; Кабулистан и Кафиристан в этнографическом и статистическом отношениях; Кабулистан и Кафиристан в историческом и археологическом отношениях; Бамианский путь к Кабулистану из долины Аму-Дарьи; Маршруты по Кабулистану.

В каждом из этих разделов содержится свод материала по источникам, появившимся за 30 лет, прошедших после издания V тома «Землеведения» К. Риттера (где помещен риттеровский «Кабулистан и Кафиристан»).

В историографическом разделе (стр. 315—337) собраны и систематически изложены полные библиографические данные об источниках и научных исследованиях по Кабулистану и Кафиристану, изданных с 1830-х гг. до 1860-х гг. В. В. Григорьев дает оценку источников и научных исследований—сжато, верно и метко. Несмотря на краткость и лаконичность замечаний, этот раздел книги В. В. Григорьева не просто библиографический список и даже не беглый обзор, а научное исследование, где каждое слово продумано и нет лишнего. Этот раздел сохраняет и теперь свою ценность и может служить надежным справочником для историков, изучающих историю Афганистана и соседних с ним стран в первой половине XIX в.

Раздел «Кабулистан и Кафиристан в физико-географическом отношении» для своего времени являлся первоклассным исследованием. Составление его стоило громадного труда и выполнено с величайшей тщательностью и умением критически разбираться в источниках. О рельефе Кабулистана и

---

¹ См., например, примечание 28 о долинах Свата и Бунера; примечание 63 — о кафирах и их землях; примечание 167 — о пути между Балхом и Кабулом и др.

Кафиристана во времена Григорьева у ученых были весьма смутные и неясные представления. Выдвигалось множество противоречащих друг другу фантастических гипотез.

Имея дело с крайне трудным и неблагоприятным материалом, Григорьев сначала изложил подробно все гипотезы различных авторов о горных системах Кабулистана и Кафиристана, а затем дал свое исследование. В этом исследовании он приводит сводку фактических данных из источников, изданных после 1830-х годов. При этом он постарался отделить достоверные, согласующиеся друг с другом и более или менее точные сведения от предположений, основанных на расспросах или на мнениях гадательного характера. В результате ему удалось такое географическое описание Кабулистана и Кафиристана, какого не было в западной европейской литературе ни об одной из стран Азии (из числа неохваченных тригонометрической съемкой или значительной сетью астрономически определенных пунктов).

Русскому ученому удалось дать такую сводку материала, из которой стало, наконец, ясно,— что именно сделано уже по части географического изучения Кабулистана и Кафиристана, что уже достоверно известно, и что еще не сделано, что нужно исследовать. Иными словами, В. В. Григорьев, обобщил данные современной ему географической науки и определил, тем самым, дальнейшие ее задачи в исследовании данной страны.

К нашему времени физико-географический обзор Кабулистана и Кафиристана, составленный Григорьевым, устарел. Но он может и должен вызвать интерес у советских ученых, занимающихся историей географических исследований, историей географии.

В разделе «Дополнений», озаглавленном «Кабулистан и Кафиристан в этнографическом и статистическом отношении», содержатся сведения об этническом составе населения, о политическом и религиозном быте и о хозяйстве. Больше всего внимания автор уделит этнографическим данным о кафирах и таджиках. Полно и подробно описаны горные области Сват, Бунер и Дир, населенные юсуфзяями (большая группа афганских племен).

Сведения источников воспринимались Григорьевым осторожно и критически, он стремился тщательно анализировать не только сообщения, основанные на расспросах, но и свидетельства очевидцев. Излагая оценку характера власти ахунда (почитаемого духовного лица) Абдул-Гафура над афганскими племенами Свата, которую дал таджикский путешественник

из Кандагара, побывавший в Свате в 1858 г., Григорьев писал: «По словам Кандагарца нашего, это почтенный и гостеприимный старец, совершенно безвредный, преданный единственно молитве и богомыслию»¹. Далее русский ученый четко и ясно выражал причины, заставляющие его сомневаться в достоверности сведений кандагарца: «Святой человек, по словам его, не имел никакого состояния, не получал, повидимому, никаких доходов, не брал денег даже с богатых и знатных, а между тем в жилище его ежедневно получали пищу от 200 до 300 бедняков, и кормился даром даже скот тех из поклонников, которые приезжали верхом»². Русский исследователь ясно видел лживость распространяемых самими же духовными лицами среди афганцев легенд о бескорыстии этих привилегированных «святых», прикидывавшихся аскетами и тщателью скрывавших источники своих доходов. Подобное критическое отношение к любым свидетельствам источников — восточных и западноевропейских, древних и новых — характерно для всей работы В. В. Григорьева.

В рассматриваемом разделе книги автор ее, не ограничиваясь только лишь описанием фактов и изложением сведений, в ряде случаев пытается объяснить явления, указать их причины, охарактеризовать их.

Конечно, В. В. Григорьев не мог приблизиться к правильному, подлинно-научному пониманию исторического процесса в целом и закономерностей общественного развития, ключ к которому дает только марксизм. Но в отдельных частных вопросах замечания его нередко заключают в себе долю истины, будят мысль, отражая реальные, земные (материальные) связи явлений, их характерные черты. В качестве примера можно привести верное наблюдение В. В. Григорьева о примечательности факта весьма значительной плотности населения на территориях юсуфзайской группы афганских племен³.

Но в силу классовой ограниченности своего мировоззрения Григорьев не понимал и не мог понять сущности социальных

¹ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 489.

² Там же.

³ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 654. Средняя плотность населения в середине XIX в. составляла у юсуфзаев около 20 чел. на 1 кв. км, что для горной страны (около 24 тыс. кв. км), населенной племенами, сохранявшими значительные остатки родоплеменных отношений (переделы земли, усадебных участков и жилищ по жребию и т. п.), в самом деле, очень немало. Однако В. В. Григорьев не видел, что действительной причиной наличия такой плотности населения был рост производительности сельского хозяйства, связанный с развитием феодальных отношений у юсуфзаев после перехода их к земледелию.

отношений, господствовавших у афганцев. Ему подчас была свойственна некоторая идеализация афганского патриархального быта. В качестве примера такой идеализации можно привести его характеристику жизни афганцев, в которой, как нам известно, еще в XIX в., наряду с развитием феодальных отношений, сохранялись существенные остатки и многочисленные пережитки родо-племенного строя. В этих условиях вражда и распри из-за земли и воды достигали значительного развития. Кровная месть вторглась в среду близких родственников, становясь социальным злом и окончательно теряя свои первоначальные функции, средства сохранения целостности рода — племенного коллектива и защиты родственников — членов этого коллектива. В. В. Григорьев пишет: «На Кабулистане подтверждается, таким образом, вывод, сделанный из наблюдений над многими другими странами — что, при известных условиях, кровавые распри и усобицы между населением страны вовсе не истощают и не ослабляют ее в такой мере, как вообще принято думать; что в странах, где господствуют усобицы, привыкают к ним до такой степени, что подобное положение дел считается нормальным, и не препятствует обычному ходу их экономической деятельности, в нравственном же отношении служит к освежению народа, не давая ему погрязать в заботе единственно о материальном благосостоянии. Вообще можно сказать, что существование горца при том порядке вещей, о котором идет речь, полно жизни и несравненно богаче впечатлениями, обильнее человечностью, чем существование какого-нибудь бюргера в странах, пользующихся гражданским благоустройством»¹.

Конечно, английские буржуазные писатели, апологеты колониальных властей сознательно искажают истину, когда утверждают, будто до прихода англичан на северные границы Индии жизнь местных народов и племен, не создавших еще государственности, была каким-то адом, а колониальное рабство принесло будто бы этим народам неисчислимые благодеяния. Конечно, мещанин середины XIX в., которого имеет в виду Григорьев, жалкая и ничтожная фигура. Но приведенный отрывок показывает, что Григорьев явно идеализировал патриархальные отношения и даже усобицы и кровную месть, противопоставляя их буржуазным порядкам.

Сведения, изложенные в разделе «Кабулистан и Кафиристан в этнографическом и статистическом отношениях», для

---

¹ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 653.

нашего времени в значительной мере устарели и нуждаются в исправлении их по более поздним источникам. Однако в целом этот раздел не потерял еще своего значения. То, что было в 1860-х гг. описанием современного положения в Кабулистане и Кафиристане, и теперь вызывает интерес, но уже только со стороны историка.

Раздел книги, посвященный описанию Кабулистана и Кафиристана в историческом и археологическом отношении, начинается подробнейшим обзором памятников древности, расположенных Григорьевым под рубриками: гробницы, городища, топы или ступы, курганы и пещеры и т. д. Далее следует изложение древней истории рассматриваемых территорий, начиная от похода Александра Македонского до времен проникновения ислама. Изложение ранних периодов истории заканчивается сжатым, но ясно и интересно написанным критическим обзором гипотез о происхождении афганцев и сведениями об их собственных преданиях на этот счет.

Для своего времени все это исследование русского востоковеда по истории Кабулистана в целом, безусловно, являлось первоклассным трудом, лучшим и наиболее полным из всех, написанных по данному вопросу. Его нельзя обойти и сейчас любому автору, занимающемуся периодом древности и раннего средневековья рассматриваемых в книге Григорьева областей.

Средневековую историю афганцев Григорьев в свои дополнения к «Кабулистану и Кафиристану» не включил, указывая, что «...отдельное изложение дальнейших событий в среде тех колен афганского народа, которые водворились собственно в Кабулистане, было бы неудобно по связи этих событий с участью других, многочисленнейших отделов того же самого народа на пространстве целого Афганистана: история Кабулистана под афганским владычеством, по новым об этом документам, должна, в сообразности с расположением Риттерова труда, войти в состав дополнений к VIII-му тому его *Erdkunde* тем с большим основанием, что сам Риттер в статье о Кабулистане ничего почти не говорит о судьбах этой страны по занятии ее магометанами»¹.

Из новой истории Афганистана Григорьев дал ценный очерк ближайших к нему по времени событий, в том числе и первой англо-афганской войны (1838—1842 гг.), к которым проявляли живой интерес русские читатели 1860-х годов². В этом разделе

¹ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 859.

² Там же. О событиях в Кабулистане с начала 1830-х годов до присоединения Пишаверской области к англо-индийским владениям, стр. 869—949.

своего труда Григорьев ясно представил авантюристический характер английской попытки завоевания Афганистана. Исследование Григорьева принадлежит к числу лучших описаний первой англо-афганской войны и не потеряло своего значения и сейчас.

В целом труд В. В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан» для своего времени был серьезным шагом вперед в изучении Афганистана. К нашему времени этот труд во многих отношениях сильно устарел, но до сих пор остается не имеющим себе равных в литературе опытом систематизации всего накопленного наукой материала, опытом критического свода всех данных источников по одной из частей Афганистана.

Современниками В. В. Григорьева его «Кабулистан и Кафиристан» был оценен очень высоко. В. Вельяминов-Зернов в своей рецензии на этот труд писал: «...автор совокупил в одно целое и критически рассмотрел о каждом предмете особо важнейшие из сведений, имеющихся за последние тридцать лет. Знаменательно при этом отношение, в которое умел себя поставить автор к западно-европейской учености, нет и тени рабского преклонения пред именами и авторитетами. Наш ученый относится к ним совершенно свободно и не боится подвергать их критике строгой, но правдивой, в том случае, когда мнения их кажутся ему неосновательными или не вполне заслуживающими одобрения. У нас, к сожалению, это явление довольно редкое. Тем более утешительно видеть его в такой превосходной книге, как сочинение г. Григорьева. Конечно, чтобы стать на подобную точку зрения относительно западно-европейской учености, надобно самому обладать обширным запасом знаний, быть, одним словом, совершенно на высоте науки и того предмета, который исследуешь. Но именно таким и выказал себя г. Григорьев в своем произведении»¹.

Профессор К. Коссович о работе Григорьева писал так: «... Смело можем показать мы Европе эту работу, — в некоторых отношениях не имеющую образца, где русский ученый является не учеником, а судьей Запада, судьей в силу не только многосторонней и обширной, но, главное, необыкновенно здраво переваренной начитанности...»²

¹ В. Вельяминов-Зернов. Рецензия на книгу «Землеведение» К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Кабулистан и Кафиристан (ЖМНП, май 1867, ч. СXXXIV, стр. 625).

² Проф. К. Коссович. Об ученых трудах профессора В. В. Григорьева. СПб., 1868, стр. 655 (отдельный оттиск из ЖМНП, ч. СХ).

Подведя итог разбору «Кабулистана и Кафиристана» В. В. Григорьева, нужно подчеркнуть, во-первых, что эта работа глубоко самостоятельная, оригинальная; во-вторых, как уже было указано выше, отметить, что этот труд русского ученого является наиболее серьезной сводной исследовательской работой, посвященной Афганистану, в европейской, а не только в русской буржуазной науке XIX в.

Возможно, что Бартольд недостаточно глубоко ознакомился с этой работой Григорьева. Все же непонятно, почему Бартольд умолчал о ней в своей книге «История изучения Востока в Европе и в России». Это выглядит тем более странно, что Бартольд дает очень высокую (и вполне заслуженную) оценку другой работе В. В. Григорьева, появление которой также было связано с переводом «Землеведения Азии» К. Риттера, а именно труду Григорьева о Восточном Туркестане. Для этой работы у Бартольда не только нашлось место в его книге, но нашлись и нужные слова. Вот как Бартольд ее охарактеризовал: «При переводе на русский язык, по постановлению Географического общества «Землеведения» Риттера — отдел о Восточном Туркестане был поручен проф. Григорьеву, который в 1869 г. издал перевод текста Риттера со своими критическими примечаниями, в 1873 г.— особый дополнительный выпуск, заключающий в себе историко-географический обзор Восточного Туркестана с древнейших времен до 1882 г.

Многие из взглядов, высказанных в этой книге, уже не соответствуют современному состоянию науки, но, как свод исторических данных о Восточном Туркестане, труд проф. Григорьева сохраняет свое значение и теперь; до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой»¹. Приведенная характеристика В. В. Бартольда, безусловно, полностью приложима и к работе В. В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан».

В этой же серии географических работ К. Риттера, переведенных на русский язык, вышел «Иран» (1874 г.) в переводе, с критическими примечаниями и дополнениями другого талантливого русского востоковеда Н. В. Ханькова. Ханьков в своем труде раскритиковал Риттера, а в качестве дополнения дал свою самостоятельную и ценную работу. Некоторые разделы исследования Н. В. Ханькова относятся к Афганистану и к истории афганцев, тесно связанной в средние века с историей Ирана.

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925, стр. 273—274.

Особенного внимания заслуживают остроумные соображения и интересные данные о таджиках, основанные не только на глубоких изысканиях Н. В. Ханыкова по письменным источникам, но и на собственных его наблюдениях и исследованиях во время Хорасанской экспедиции (1858—1859 гг.). Изучающий народы Афганистана найдет в этой работе Н. В. Ханыкова, а также в некоторых его статьях, и небезинтересные сведения о хазарейцах и о других народах и племенах, населяющих земли современного центрального и северного Афганистана.

Н. В. Ханыков (1822—1878) — русский ученый и путешественник. Он получил образование в Царскосельском лицее. Восточные языки изучил самостоятельно и в 1841 г. был прикомандирован к посольству Бутенева в Бухару. Результаты работы Н. В. Ханыкова в составе этого посольства по изучению стран и народов Средней Азии были отражены в книге «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1843 г.) и в его статьях.

С конца 1840-х годов по 1853 г. Н. В. Ханыков, находясь на дипломатической службе на Кавказе, плодотворно занимался изучением географии, истории и археологии Кавказа, исследованием языков и наречий населяющих его народов. В этот период он написал исследование «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря», напечатанное в «Записках Кавказского отделения русского географического Общества», кн. III. В этой работе Н. В. Ханыков проявил себя не только глубоко эрудированным востоковедом, прекрасно знакомым с восточными источниками, но также обнаружил основательные по тому времени познания в физике и геологии.

С 1854 по 1857 гг. Н. В. Ханыков был русским консулом в Тавризе, где продолжал свои научные исследования. В 1858—1859 гг. возглавлял, как уже указывалось выше, Хорасанскую экспедицию, после чего в течение многих лет занимался обработкой ее результатов, издал ряд научных трудов, среди них большое количество статей, опубликованных в виде писем к русским и западноевропейским ученым своего времени. Н. В. Ханыков был близок к демократическим кругам, к Герцену¹.

В дополнениях к переводу «Ирана» К. Риттера, Н. В. Ханыков изложил результаты своих работ о средневековой истории афганцев, в которых пришел к выводу о сравнительно позднем складывании афганских племен, существующих в настоящее время. Период образования афганской народности, афганцев, как этнической группы, он относит к IX—XIII вв.²

¹ См. данные об этом в «Историческом архиве», т. V, М. — Л. 1950.

² По афганским генеалогиям, время жизни легендарного родоначальника этого народа Патана (он же Каис, Киш или Кеш) определяется

Это, основанное на изучении источников, положение Н. В. Ханыкова убедительно вскрывает всю нелепость домыслов некоторых современных афганских националистических авторов о руководящей роли, которую, якобы, играли афганцы в течение тысячелетий в истории и в развитии культуры народов Средней Азии, Ирана и Индии.

Вторым важным положением, выдвинутым Ханыковым в разделе его книги, где говорится о средневековой истории афганцев, является вывод, сделанный им на основании внимательного изучения очень большого количества восточных источников (арабоязычных географов, исторических хроник и других); вывод этот заключается в том, что в IX—X вв., когда были написаны классические произведения средневековых географов на арабском языке, афганцев, как народа, или не было или о них никто (кроме, можем добавить мы, их ближайших соседей) не знал.

Это положение Ханыкова вряд ли будет опровергнуто когда-либо в будущем. Вопреки измышлениям современных панафганистов, все известные до сих пор источники говорят о том, что до XIII в. афганцев мало знали даже соседние с ними народы и совсем плохо знали или совсем не знали авторы отдаленных от них народов¹. Это объясняется тем, что в тот период афганцы представляли собою сравнительно незначительные племена горцев, не игравшие до XIII—XIV вв. сколько-нибудь заметной роли в исторических событиях.

Из сказанного ясно, что в работе Ханыкова «Иран» и по истории афганцев имеются существенные и обоснованные замечания, положения и выводы.

Конечно, в этой работе у Ханыкова есть ошибки. У него были свои недостатки, проявлявшиеся и в других работах.

При всей эрудиции, остром уме и добросовестности, которыми он обладал, Ханыков проявлял иногда небрежность в отдельных замечаниях, непродуманность в терминологических вопросах. В иных случаях он был склонен к несколько поспешным выводам, не обоснованным в достаточной мере фактическим материалом.

XI веком. См. генеалогию Афзаль-хана Хаттака в *Тарих-и-Мурасса* (в отрывке, опубликованном в «*Kalid-i-Afghani*», Lahore, 1893, стр. 221, 222), а также различные генеалогии в «Истории афганцев» Ни'матуллы (см. Б. А. Д о р н. Ук. соч., т. II, стр. VII, 43, 50, 51); время жизни родоначальников больших групп афганских племен (дуррани, гильзай, юсуфзай и др.) по родословиям относится к XII—XIV вв.

¹ В частности, очень хорошо осведомленные авторы географических описаний, «подорожников» X в., как это установил Н. В. Ханыков, ни одним словом не упоминают об афганцах.

В работе «Иран» можно отметить, в качестве примера, два сомнительных места, касающихся афганцев. Ханыков утверждает, что у афганцев все названия, касающиеся важных сторон их жизни, родового быта, не свои, а заимствованные из языков других народов. Это не совсем верно. Неточность или ошибка Ханыкова вызвана, повидимому, тем, что он не знал афганского языка (пушту), а судил об этих названиях по текстам на арабском, таджикском и персидском языках. Второй ошибкой Ханыкова является неправильное толкование термина «веш», который означает у афганцев передел земли. Ханыков же производит этот термин от персидского слова «виша», обозначающего палочку, применяемую, якобы, для метания жребия при переделах. Такое утверждение необоснованно и, скорее всего, неправильно.

Вообще следует отметить, что в своем исследовании «Иран» Ханыков, как правило, не делает разницы между гипотезой и окончательно доказанной научной истиной, между бесспорным и предположительным. Поэтому и все свои выводы, касающиеся существенных или мелких вопросов, он преподносит в одинаково категорической форме.

Одним из самых полных исследований, посвященных важным событиям в истории народов Афганистана — второй англо-афганской войне, является книга русского военного писателя, генерал-майора генерального штаба, Л. Н. Соболева «Страница из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря (очерк войны 1879—1880 гг.)», изданная в Петербурге в 1880—1882 гг.

В этой работе содержится не только подробное изложение военных действий, но рассматриваются также международная обстановка, политические события и внутреннее положение в Афганистане. К исследованию приложено множество прекрасных, для того времени, выполненных карт и схем тех мест, где происходили военные действия. В приложениях даны основные дипломатические документы, современные рассматриваемым событиям, и различные военные и военно-топографические материалы: Гандамакский мирный договор, описание пути из Пешавара в Кабул, карта долин рек Кабула и Куррама, карта движения англо-индийского отряда из Шуттургардана на Кабул, документы о военном терроре англичан и т. п.

До сих пор не потеряли своего значения исследования об афганцах русского этнографа XIX—XX вв. Н. А. Аристова, известного своими работами о тюркоязычных племенах и народах России.

В книгах Н. А. Аристова «Об Авганистане и его населении» (СПб., 1898) и «Англо-индийский Кавказ» (СПб., 1900) затронуты вопросы, касающиеся истории и этнографии афганцев, но больше всего места уделено политическому положению в пограничных с Индией землях, населенных афганцами, а также английской захватнической политике в районах пограничных племен и борьбе афганцев против британских поработителей.

Вопросы современной Н. А. Аристову политической обстановки в области афганских пограничных племен были весьма подробно и полно освещены автором в его книге «Англо-индийский Кавказ»¹. Некоторые разделы этой книги носят исследовательский характер. Н. А. Аристов привлекает очень большой фактический материал из англо-индийских официальных публикаций, из современной ему прессы, стремится критически осмыслить факты, преподносимые весьма тенденциозно, а часто и грубо фальсифицированно в англо-индийских документах. Работа Н. А. Аристова проникнута сочувствием к освободительной борьбе афганцев против английских агрессоров. На позицию Н. А. Аристов, с живой симпатией относившегося к борющемуся афганскому народу, явственно оказывал влияние ход событий у нас на родине, дыхание приближавшейся революции.

Основные разделы книги Н. А. Аристов «Англо-индийский Кавказ» содержат исторический обзор столкновений англичан с афганскими пограничными племенами и очерк английской пограничной политики². Исходя из того положения, что «...восточные авганские племена являются лишь частью авганского народа и судьба их стоит в тесной связи с судьбами остальных авганских племен, находящихся под властью эмира Авганистана...», Н. А. Аристов счел необходимым предпослать основным разделам своего исследования «... краткий исторический очерк отношений Англии к Авганистану и сведения об авганских племенах вообще, их происхождении, особенностях народного характера и т. д....»³

Следует заметить, что русский исследователь сумел разобратъся в ложности доказательств, приводимых английскими

---

¹ Н. А. Аристов. Англо-индийский Кавказ. Столкновения Англии с авганскими пограничными племенами (этноко-исторический и политический этюд). СПб., 1900, стр. 1—198.

² Н. А. Аристов. Ук. соч., гл. III. Обзор столкновений Англо-Индии с авганскими пограничными племенами, стр. 51—115; гл. IV. Политика Англии в отношении авганских пограничных племен, стр. 115—139.

³ Н. А. Аристов. Ук. соч., стр. 1.

буржуазными учеными в целях оправдания насильственного разъединения афганского народа, осуществленного английскими же колонизаторами.

С помощью различных версий о происхождении афганцев многие английские буржуазные ученые пытались и пытаются доказывать, будто афганцы, отторгнутые колонизаторами от своей родины в XIX в., и афганцы, оставшиеся в пределах Афганистана, являются различными народами.

Для того чтобы оттенить якобы коренную разницу между афганцами пограничной полосы Индии (теперь Пакистана) и их собратьями, населяющими область к северу и западу от Сулеймановых гор, англичане в XIX в. постарались утвердить за афганцами, оказавшимися в составе их колониальной империи или под английским политическим контролем, название «патаны»¹. При этом, распространенное в Индии этническое название «патаны» противопоставлялось названию «афганцы», которым этот народ с давних времен именовали его ираноязычные соседи — таджики и персы.

О том, что в литературе патанов стали резко отличать от афганцев именно англичане и только в XIX в., говорит, в частности, следующее место из исследования о поздних моголах английского же историка Ирвина: «Людей из области между Индом — на востоке и Кабулом и Кандагаром — на западе называли (в Индии. — В. Р.) афганцами. Афганцев же из ближайших гор, что юго-западнее Пешавара, иногда отличали эпитетом «рохела» или «горец». Однако индийские авторы XVIII в. не только никогда не употребляют слова патан, но в их сочинениях нет ничего, что указывало бы на взгляд, будто афганцы и патаны являются двумя различными народами»².

Таким образом, есть все основания утверждать, что русский исследователь Аристов в вопросе об этнической общности афганских племен, сложившейся исторически, стоял на правильной точке зрения.

В первом из вводных разделов книги «Англо-индийский Кавказ», озаглавленном «Краткий исторический очерк отно-

¹ Распространенное в Индии по отношению к афганцам этническое имя «патан» происходит от самоназвания афганцев — «пахтун» (или «паштун»), мн. ч. «пахтаны» (или «паштаны»).

² W. Irvine. The later Mughals. London, 1921, т. 1, стр. 273.

Это утверждение Ирвина заслуживает серьезного внимания, прежде всего потому, что он весьма основательно знал источники Северной Индии, связанной больше всего с афганцами-патанами. В своем исследовании Ирвин проявил беспомощность в объяснении исторических явлений, но материал индийских источников излагается им с большой полнотой, в доброкачественных переводах и с научной добросовестностью.

шений Англии к Афганистану» (стр. 1—15), Н. А. Аристов дает сжатую, но содержательную сводку сведений по рассматриваемому вопросу, связывая изложение с англо-русскими и русско-афганскими отношениями.

Второй вводный раздел книги озаглавлен «Афганские племена, их происхождение и краткие исторические о них сведения, различные особенности народного характера и быта и данные о численности авган и народностей, им подвластных» (стр. 15—51). В этом разделе Н. А. Аристов приводит большой и тщательно собранный им из восточных источников, использованных в переводах, и из исследований материал об афганцах, их ранней истории, племенному делению и т. п. Н. А. Аристов считает «главным местом жительства авганского народа и первоначальным его гнездом «Сулеймановы горы»¹.

Н. А. Аристов правильно оценил значение генеалогий афганских племен как источника для историка и использовал материал этих генеалогий для остроумных соображений об этногенезе афганцев, которые являются, конечно, предположительными и требуют проверки и подкрепления данными других источников.

Мнение Н. А. Аристова о характере этногенеза афганского народа сводится, в основном, к следующему: он считал основным ядром будущей афганской народности племени средней и северной части Сулеймановых гор, которые, смешиваясь в течение долгого времени с соседними индийскими, иранскими, гюркскими и др. племенами, создали афганскую народность. Эта народность, как писал Н. А. Аристов, составляет в настоящее время «...прочное этническое целое, несмотря на некоторые различия по племенам и на отличия в политическом положении некоторых групп последних»².

Н. А. Аристов присоединяется к сторонникам гипотезы Б. А. Дорна о связи между древними пактиями Геродота и афганцами Сулеймановых гор, называющих себя «пахтунами» или «паштунами». Слабым местом этой гипотезы является очень большой разрыв во времени между сообщениями Геродота о пактиях, страна которых находилась на северных границах Индии, с первыми упоминаниями средневековых письменных

---

¹ Н. А. Аристов. Ук. соч., стр. 19. Это положение, сторонниками которого были Дорн и Григорьев, подкрепляется свидетельствами средневековых источников, введенных в научный обиход в XX в. См. упоминания об афганцах в «Худуд-ал-Алем». Изд. АН СССР, 1930, л. 8-а; Тарихнама-йе-Харат. Калькутта, 1944, стр. 168—170, 195, 221—222 и др.

² Н. А. Аристов. Ук. соч., стр. 19.

источников об афганцах в области Сулеймановых гор. Геродот писал в VI в. до н. э., первые же упоминания об афганцах в средние века содержатся в географическом сочинении неизвестного автора на таджикском языке — «Худуд-аль-Алям» и относятся к 980-м годам н. э.

Для подтверждения гипотезы Дорна Н. А. Аристов указывает на вероятность преемственной связи между пактиями Геродота и пу-ду (или пу-гу) китайских источников¹.

Трактовка указанных вопросов во втором (вводном) разделе книги Н. А. Аристова показывает, что и здесь автор подходил к материалу творчески, обнаружив незаурядные исследовательские данные.

Н. А. Аристов пытался разобраться и в социально-экономических отношениях афганцев. Но он не мог их разрешить, так как подходил к этому вопросу с идеалистических позиций. Он относил все афганские племена к стадии родового строя. Основная ошибка Аристова заключалась в преувеличении роли родовых отношений у афганцев, что вероятнее всего явилось результатом влияния народнических утопических взглядов, распространенных в его время среди русской интеллигенции и связанных с реакционной идеализацией общины. Аристов занимался только политическими отношениями у афганцев и не пытался сколько-нибудь серьезно изучить сведения об их хозяйстве; он не видел существования классов и классовой борьбы в афганском обществе.

Для объяснения различий в политическом устройстве афганских племен, которые Аристов ясно видел (общинно-родовое самоуправление у одних племен и сравнительно устойчивая единоличная власть ханов — у других), ему приходилось прибегать к ссылкам на отличие в характере и «темпераменте» отдельных племен. Таким образом, в данном вопросе Аристов скатывался на совершенно антинаучные, не только идеалистические, но и явно расистские позиции. Слабой стороной его книги «Англо-Индийский Кавказ» является попытка провести

¹ Пу-ду упоминаются в китайских хрониках времен династии восточных Хань (25—221 гг. н. э.). См. И. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 227. По контексту перевода Бичурина действительно похоже на то, что пу-ду (народ или государство) находились где-то в районе подходов к Индии с северо-запада. В переводах западноевропейских китайстов, как это и отмечено Н. А. Аристовым, «термин пу-ду передается как «по-та» и «п'у-та». См. I m b a u l t - H u a r t. Recueil des documents sur l'Asie Centrale, Paris, 1881, стр. 211 (P'ou-ta); S p e c h t e d o u a r d. Etudes sur l'Asie Centrale d'après les historiens chinois. Première livraison. Indo-scythes et ephthalites. Paris, 1890, стр. 32 («Po-ta»).

аналогию между Кавказом и афганскими племенами, пограничными с Индией. При этом Н. А. Аристов идеализировал Шамиля, отмечая, впрочем, его деспотизм и тяжесть его власти для народов Дагестана.

К недостаткам работ Аристова об афганцах следует отнести и то, что они построены, в основном, на английских материалах и других европейских источниках; восточными источниками он пользовался только в переводах.

Заканчивая краткий обзор о работах Н. А. Аристова, посвященных афганцам и Афганистану, следует подчеркнуть, что этот русский исследователь не только прекрасно разобрался в сущности агрессивной политики англичан, но смело и остроумно изобличал английских захватчиков и фальсификаторов.

Из числа ученых, которые хотя и не оставили нам специальных исследований, посвященных изучению афганцев и Афганистана, но, занимаясь изучением соседних стран и народов, оставили отдельные ценные замечания, касающиеся афганцев, следует указать И. П. Минаева и В. В. Бартольда.

Индолог И. П. Минаев (1840—1890) был выдающимся русским ученым и путешественником. По справедливости, мы можем считать его одним из тех людей, которые являются гордостью русского востоковедения. Он оставил ряд работ, в которых касается афганцев Индии, а также немало публицистических статей по вопросам политической истории современного ему Афганистана. И. П. Минаев написал ценное исследование «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» (СПб., 1879). Эта работа построена на основании широкого круга источников и для своего времени являлась наиболее полной сводкой материалов по совершенно еще не изученной области Азии. Он занимался исследовательской работой по истории сношений русских с народами, населяющими территории нынешнего Афганистана¹.

Вопросы о сущности общины у афганцев Индии затрагиваются в статьях Минаева: «Очерки землевладения в современной Индии»² и «Родовой быт в современной Индии»³.

И. П. Минаев прекрасно знал Индию, ее языки, жизнь и быт народа. Все это он изучал не только по книгам, но и во

¹ В октябре (ст. ст.) 1878 г. И. П. Минаев прочел на заседании Отделения этнографии Русского географического общества доклад о сношениях России с Афганистаном в XVII в. См. сообщение об этом докладе в газ. «Новости», от 16 октября 1878. г.

² ЖМНП, 1883, № 11, стр. 135—152.

³ Там же, № 3, стр. 164—188.

время своих путешествий. Он очень хорошо разбирался в земельных отношениях в Индии, знал индийскую общину, как мало кто другой. Поэтому его сведения и соображения, касающиеся афганской общины, его мнение об отличии по своей сущности афганской общины (как «родовой») от общины у других народов Северной Индии, заслуживают серьезного внимания.

Академик В. В. Бартольд, хотя он и не занимался специально историей афганцев, но в процессе исследования истории соседних с ними народов и Среднего Востока, в целом, сделал несколько существенных замечаний и по вопросам истории афганцев, основанных на глубоком знании источников. Так он указал, что первое упоминание об афганцах в письменных источниках содержится в рукописи Худуд-аль-Алям¹.

В своей большой исторической работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» В. В. Бартольд привел очень важные упоминания об афганцах в период нашествия Чингис-хана.

В 1221 г., в битве при Парване, где был разбит Хутухунойон, один из лучших полководцев Чингис-хана, против монголов сражались в войсках Джелаль-ад-дина туркмены, гурцы, афганцы, карлуки и представители других племен и народов². На следующий год после битвы при Парване, в которой было нанесено самое сильное поражение ордам Чингиса во время его похода на Среднюю Азию и Индию, в источниках отмечено участие афганцев и близких к ним халаджей уже на стороне монголов. Приведенный В. В. Бартольдом факт³ свидетельствует о том, что уже во время похода Чингиса в Среднюю Азию и Индию монголам удалось привлечь на свою сторону какую-то часть афганских племен. Возможно, что уже с этого времени отряды некоторых афганских племен начали входить в состав монгольских войск, действуя, по всей вероятности, в качестве вспомогательных сил, но подчиняясь монгольским военачальникам⁴.

¹ Худуд-ал-Алем. Изд. АН СССР, 1930. Предисловие В. В. Бартольда.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898—1900, т. II, стр. 476. Со ссылкой ан-Несави.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 486. Афганцы и халаджи приняли участие в карательной экспедиции Хутухунойона для подавления антимонгольского восстания в Мерве, в 1222 г. Хутухунойон действовал с беспощадной свирепостью и уничтожил все, что оставалось от города.

⁴ Рассказ, свидетельствующий о том, что во времена Шамс-ад-дина Курта (середина XIII в.) афганские отряды, в отличие от гурских и гератских сил Куртов, находились непосредственно в ведении и подчинении монгольских военачальников, приводится в летописи в Тарихнама-йе-Харат. Калькутта, 1944.

Следует остановиться на высказываниях В. В. Бартольда по вопросу о происхождении гильзаев (одного из крупнейших афганских племен), вызывавшему споры между востоковедами. В своей статье о халаджах, опубликованной в «Энциклопедии Ислама», Бартольд высказал верное мнение, поддерживая ученых, полагавших, что гильзаи происходят от халаджей, или, что, во всяком случае, в этногенезе афганцев, в частности в складывании гильзайской группы племен, халаджи принимали участие¹; в подтверждение этого мнения можно привести интересное сообщение Мухаммеда ибн-Наджиб Бакрана, автора географического сочинения, написанного в начале XIII в. Мухаммед Ибн-Наджиб Бакран сообщает о халаджах следующее: «Халаджи — племя (группа племен) из тюрков, которое из пределов халахских попало в Забулистан. В области Газны есть степь, там они (и) обосновались. Затем от жары цвет (лица, кожи) у них изменился и стал чернеть. Язык (их) также претерпел изменения и превратился в (какое-то) другое наречие. (Одно) племя из этой группы перешло в пределы Баверда и там устроилось на жительство. (Название) «халах» люди читают «халадж» вследствие ошибки в написании»².

На основании этого сообщения и других, более ранних сведений о халаджах, связанных издавна с афганцами, можно, повидимому, полагать, что к началу XIII в. длительный процесс скрещивания языков халаджей (в прошлом тюрко-язычных) и афганцев уже закончился или заканчивался³. При этом, конечно, не получилось какого-то нового, третьего языка; халаджи стали говорить на пушту и постепенно забывали свой старый язык. Но в язык пушту вошло некоторое количество

¹ К этому мнению положительно отнесся советский востоковед М. Г. Асламов. Правда, он избегает категорических утверждений. См. его статью «Займствования из тюркских языков в пушту» (Труды Моск. Ин-та востоковедения. Сб. № 4. М., 1947, стр. 56). Противником этого мнения в XIX в. выступал английский ученый Раверти, а после него некоторые другие английские ориенталисты.

² Перевод сообщения Бакрана о халаджах приводится по рукописи его сочинения, хранящейся в секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде (в одном переплете с рукописью Худуд-аль-Алям). Это сообщение было, несомненно, известно В. В. Бартольду. Перевод текста имеется в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. I, Л. 1939, а также в комментариях к «Khudud-al-'Alam or Regions of the World». London, 1937, стр. 348, Минорского, который впервые отметил значение этих сведений для вопроса о происхождении гильзаев.

³ О том, что халаджи уже в X в. являлись ближайшими соседями афганцев, что судьбы этих племен были издавна тесно связаны между собой, говорят сообщения Утби (XI в.) о походе Себук-тегина (правил в

тюркских слов. Обобщающее указание И. В. Сталина дает возможность понять сущность подобного рода процессов. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин характеризует процесс скрещивания языков так: «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

Из приведенных выше замечаний Бартольда по отдельным вопросам истории афганцев видно, что они ценны и мимо них нельзя пройти ни одному исследователю истории этого народа. Заслуги же В. В. Бартольда в изучении истории народов Средней Азии и Ирана общеизвестны. Ясно, что при исследовании истории Южного Туркестана и других территорий, входящих в состав северных и восточных областей нынешнего Афганистана, без работ Бартольда и к о м у не обойтись. В этом отношении защищать Бартольда от нападок самого Бартольда не приходится.

Но следует решительно возразить против его другой, более общей и явно ошибочной оценки результатов работы по изучению Ближнего и Среднего Востока русскими востоковедами, видным представителем которых был и сам Бартольд, — оценки, содержащейся в цитированном уже его труде «История изучения Востока в Европе и в России».

Переходя от Афганистана к Персии (Ирану), В. В. Бартольд писал: «Русская литература о Передней Азии далеко не отличается тем богатством, как можно было бы ожидать по географическому положению России и по составу ее населения. Что на русском языке мало работ об Индии и Афганистане, отчасти объясняется скудостью материала, находящегося

977—997 гг.) в области, подчинявшиеся индийским правителям Кабула. Утби говорит, что халаджи и афганцы этих областей подчинились Себуктегину. О том, что халаджи были тюрками (огузами), говорит Махмуд-ибн-Хусейн-ибн-Махмуд аль-Кашгари. (см. «Китаб диван лугат-ат-тюрк». Константинополь, 1335 хиджры т. III, стр. 307). Истахри сообщает о халаджах, что они: «скотоводы, тюрки по виду, по одежде и по языку» и т. д.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 29—30.

в распоряжении русских исследователей по сравнению с западноевропейскими, особенно с английскими, но бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки».

Это в корне ошибочное мнение В. В. Бартольда опровергается и всей историей той области русской науки, освещению которой посвящены «Очерки по истории русского востоковедения».

Думается, что изложенный в настоящей статье краткий обзор наследства, оставленного советской афганистике дореволюционным русским востоковедением, достаточно убедительно показывает, что научная ценность этого наследства значительна. Другое дело, что исследование Афганистана путем поездок в эту страну было делом малодоступным для русских ученых, чем и вызывается относительная малочисленность наших источников по ней. Но, несмотря на все трудности, как можно видеть из упомянутых в настоящем обзоре русских источников (еще далеко не достаточно использованных советскими учеными) и из обзора кратко рассмотренных в нем исследований, они представляют собою ценный вклад в дело изучения Афганистана и населяющих его народов, в частности, самих афганцев.

Следует также подчеркнуть, что, как показывает приведенный обзор, мы имеем достаточные основания, чтобы утверждать со всей определенностью приоритет отечественного востоковедения в ряде вопросов, относящихся к изучению истории и языков народов, населяющих Афганистан.
